

В. Д. АЛТАШИНА, Е. Н. ВАСИЛЬЕВА

«Все меня интересует, все приводит в изумление»

Вольтер, выскакивающий из постели в ночном колпаке; Дидро в домашнем халате; Руссо в армянском наряде — эти изображения французских просветителей давно стали привычными. А Монтестье? Строгий чеканный профиль, спокойный взгляд, легкая усмешка в уголках губ — только таким представляем мы автора «Духа законов», таким запечатлел его после многочисленных сеансов позирования Жан Дасье на медали 1752 г., ставшей моделью для всех последующих изображений.

Вольтер, активный защитник жертв религиозного фанатизма, едкий сатирик-обличитель, никогда не чувствовавший себя в безопасности на родине; Дидро — узник Венсенского замка, энциклопедист, атеист и материалист; гражданин Женевы Руссо, поссорившийся в конце жизни со всеми друзьями: жившие в гуще кипящих событий эпохи, они и до сих пор продолжают вызывать оживленные споры. Монтестье, в отличие от них, вызывает спокойное уважение и почитание: «он скромно обитает в своем бессмертии, почти заброшенный в тиши библиотек»*.

Удивительным образом его посмертная слава соответствует тому портрету, который он сам с себя написал**. «У меня почти

* Starobinski, J. Montesquieu. — Paris :Seuil, 1994. — P. 7.

** Montesquieu, S. L. Portrait de Montesquieu par lui-même // Montesquieu S. L. Oeuvres posthumes. Paris: chez Plassan, Bernard, Grégoire, 1798. — P. 189–201. Ссылки на это издание см. в тексте (номер стр.). В издании Oeuvres complètes. Paris: Seuil, 1964 этот портрет Монтестье помещен в разных местах его «Мыслей».

никогда не было печалей, еще меньше страданий. Моя машина* так счастливо устроена, что меня живо впечатляют все предметы, доставляющие удовольствие, и не так живо те, что приносят страдания» (189). О своей «машине» — природном устройстве организма — Монтескье часто пишет, объясняя именно врожденными качествами свое жизнелюбие, любовь к родине, отсутствие стремления к славе. Удивительна скромность этого человека, объясняющего природными задатками все свои лучшие качества. «Я просыпаюсь с тайной радостью увидеть свет, я вижу свет с особым чувством восторга и весь день я доволен» (190). «Учеба была для меня лучшим средством против жизненных разочарований; я никогда не испытывал печали которую не развеял бы час чтения» (190). «Во мне природой заложена любовь к благополучию и чести моей родины, и очень мало любви к тому, что называют славой. Я всегда испытывал тайную радость, когда принимали постановление, шедшее ко всеобщему благу» (191). «У меня довольно честолюбия, чтобы участвовать во всем в жизни; но у меня нет того честолюбия, которое могло бы вызвать недовольство тем местом, которое мне предназначила природа» (194). «Что всегда портило мое мнение о самом себе, так это то, что я пригоден к очень немногим положениям в государстве» (193). «Я легко прощаю, поскольку не подвержен гневу» (193), «у меня никогда не было желания написать куплеты против кого бы то ни было» (196). «Если я доверяю кому-либо, то без всякой меры, правда, доверяю я очень немногим» (192). «Когда я бывал в свете, я его любил так, как если бы не смог без него обходиться; когда я бывал в моих землях, я больше не думал о свете» (194). «Робость была бичом всей моей жизни; она почти что помрачала мои органы, связывала мой язык, затемняла мои мысли, приводила в беспорядок мои выражения» (198). «Моя машина так устроена, что мне необходимо сосредотачиваться, когда речь идет об абстрактных материях, иначе мои мысли путаются» (193).

Достоверность автопортрета не вызывает сомнений: таким его описывают и современники. Его мягкость, веселость, ровность нрава, простоту и добродушие отмечает маркиз д'Аржансон**,

* Сравнение человека с машиной — общее место в философии XVIII в. Вспомним знаменитый трактат Ламетри «Человек-машина» (1747).

** Рене Луи де Войе де Польми, маркиз д'Аржансон (d'Argenson; 1694–1757) — французский государственный деятель.

который познакомился с Монтескье в 1723 г.: «Он не из-за чего не страдает, он читает, путешествует, набирается знаний, и все это исключительно для собственного удовольствия»*, — пишет маркиз в 1736 г. Д'Аламбер в своей «Похвале Монтескье», опубликованной в V томе «Энциклопедии» несколько месяцев спустя после смерти последнего, отмечает: «Мы бы лишили его половины его славы, если бы обошли молчанием его приятные личные качества. В общении он всегда был одинаково мягок и весел. Речь его была легкой, приятной и познавательной, благодаря знанию большого количества людей и народов. Она была рубленой, как и его стиль, полной соли и острот, но без горечи и сатиры. <...> Огонь его ума, большое количество идей, которые в нем рождались и его переполняли, никогда не проявлялись в середине серьезной и интересной беседы — желание понравиться тем, с кем он общался, делало его скромным и легким в общении»**.

Монтескье был истинным представителем своей эпохи со свойственным для нее стремлением к охвату всеобщего, к энциклопедизму: «Науки соприкасаются друг с другом; самые абстрактные приводят к наименее абстрактным, а весь корпус наук держится на художественной литературе... Следовательно, правильно писать обо всем и во всех стилях. Философия не должна быть изолированной: она имеет отношение ко всему», — писал он***. Монтескье с одинаковым увлечением занимается физикой и физиологией, рассматривает под микроскопом растения, наблюдает за воздействием тепла и холода на живые организмы, воображает опыты по возможности полета человека подобно птицам, разрабатывает социологию права, набрасывает важнейшие положения просветительской эстетики, разбирается в лекарствах. Мир соткан из причин и следствий и образует единую систему, доступную для постижения разумом, считает он. Когда он представляет себе «физическую историю земли древней и современной», когда он рассматривает римский мир с рождения до смерти, когда в «Духе законов» он намеревается изучить весь комплекс условий, влияющих на определение судьбы обществ и их законодательств, — его

* Jacob, P.-L. Préface de l'éditeur // Montesquieu. Le Temple de Gnide. — Paris: Léon Willem, 1879–1880. — P. VII.

** Ibid. — P. VI.

*** Montesquieu, S. L. Discours sur les motifs qui doivent nous encourager aux sciences // Montesquieu. Oeuvres complètes. — Paris: Editions Nagel, 1955. — T. III. — P. 226.

мысль всегда оживлена стремлением охватить общее. И когда в «Опыте о вкусе» он пытается определить, почему любят симметрию, то говорит: «она создает единое целое»^{*}.

Такое же единое целое составляет и творчество Монтескье, несмотря на его многообразие. «“Книдский храм”, “Персидские письма”, “Упадок римлян” и “Дух законов” — все эти четыре произведения совершенно разных жанров: в первом автор — певец граций, во втором — изящный и остроумный рассказчик, в третьем — историк и философ, в четвертом — ученый законодатель», — писал аббат Вуазенон^{**}.

Читателям, которые знают Монтескье как автора знаменитого трактата, легшего в основу «Наказа» Екатерины II и американской конституции, как представителя власти, занимавшего видные посты в парламентах, как члена Французской академии, трудно представить себе иного Монтескье, завсегда светских салонов, дамского угодника и любимца. Он был не только уважаемым членом клуба «Антресоль» (*Club de l'Entresol*) — частного кружка, созданного в Париже в 1724 г. по модели английского клуба, на заседаниях которого обсуждались экономические и политические вопросы, но и желанным гостем в Шантийи — замке герцога Бурбонского^{***}, а также и во всех самых знаменитых парижских салонах — г-жи де Ламбер, г-жи де Тансен, г-жи Жоффрен, г-жи дю Деффан, где собирались ученые, литераторы, художники.

Эти разные ипостаси личности проявляются и в его творчестве, где научные и философские рассуждения неразрывно связаны с галантными приключениями и культом чувственных радостей. Многообразие и единство отличают и два его самых знаменитых творения — эпистолярный роман «Персидские письма» (1721) и

* Монтескье, Ш. Л. Опыт о вкусе // Монтескье, Ш. Л. Избранные произведения. — М.: Госполитиздат, 1955. — С. 744.

** Jacob, P.-L. Op. cit. — P. V.

*** Шантийи (*Château de Chantilly*) — одна из наиболее значительных аристократических резиденций Франции. В 1632 г. за содействие мятежному герцогу Гастону Орлеанскому внук коннетабля, Генрих II де Монморанси, был предан смертной казни. Конфискованное поместье перешло к его сестре Шарлотте и её супругу — принцу де Конде. Их потомки продолжали носить титул герцога Монморанси и жить в Шантийи вплоть до пресечения рода после расстрела герцога Энгиенского в 1804 г. Людовик II де Бурбон, принц де Конде (1621–1686) — полководец Франции, генералиссимус. Кроме титула принца де Конде, был также герцогом де Бурбоном, де Монморанси, пэром Франции и первым принцем крови.

философский трактат «Дух законов» (1748): по сути единственные произведения, которые и приходят на ум образованному читателю при упоминания имени их автора.

В ставшем уже классикой труде Р. Лофера «Стиль рококо — стиль Просвещения» (1963) анализ художественных текстов начинается роман «Персидские письма». Отмечая, что в основе романа лежит воображаемый эксперимент, как и в лучших рокайльных творениях века*, исследователь полагает, что специфику «Персидских писем» составляет сочетание серьезного и фривольного, сопоставление разных миров (имплицитное или эксплицитное), критика французских нравов через отстраненный взгляд повествователя. Именно это сочетание несочетаемого и делает этот «плохой роман» «настоящим шедевром»**. Отметим, что и современники, и исследователи критиковали первый роман Монтескье за его разношерстность и бессвязность, за то, что главная интрига недостаточна, что ни одно приключение не ведет напрямую к развязке***.

Обрывочность, перескоки с одной мысли на другую характерны для стиля Монтескье в целом: «Чтобы хорошо писать, надо перескакивать через промежуточные мысли»****, — считал он. Монтескье никогда «не стремится связывать предложения, но идет рывками, от одной мгновенной зарисовки к другой. На клавиатуре идей, он играет не *legato*, а *staccato*»****. Однако он надеется на то, что связывает все воедино «таинственной и некоторым образом незаметною цепью»*****. «То, что делает некоторые статьи книги, о которой идет речь, неясными и двусмысленными, — пишет Монтескье, отвечая на критику «Духа законов», — так это то, что они часто находятся на расстоянии от тех, которые их объясняют, и что звенья цепи часто удалены друг от друга»*****. С точки зрения Р. Лофера, не только «Персидские письма», но и «Дух законов» являет собой блестящий образец прозы рококо за счет своего потаенного плана, извилистой и обманчивой

* Laufer, R. *Style rococo: style des lumières*. — P.: José Corti, 1963. — P. 36.

** Ibid. — P. 51.

*** Ibid. — P. 52.

**** Starobinski, J. *Op.cit.* — P. 34.

***** Ibid. — P. 33.

***** Монтескье, Ш. Л. Несколько замечаний о «Персидских письмах» // *Персидские письма*. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. — С. 368.

***** Cité selon. Starobinski, J. *Op.cit.* — P. 34.

формы, которая одновременно отрицает и оттеняет серьезность содержания, позволяя осуществлять свободные переходы от фривольной науки к тайной постановке вопросов, при этом ни один из них не сформулирован напрямую, ибо это вело бы к заранее известному ответу*.

Идея «незаметной цепи» или звеньев, которые «удалены друг от друга», дисперсность изображаемого, которая, по Р. Лоферу, является одной из главных черт рококо**, ярко проявляется не только в однозначно признанных шедеврами романе «Персидские письма» и трактате «О духе законов»; так же построены и произведения второго ряда — «Книдский храм», «Путешествие на Пафос», «Правдивая история», «Размышления о причинах величия и падения римлян», «Опыт о вкусе».

*«Малые» творения Монтескье и их судьба в России****

В России знакомство с творчеством Монтескье происходит уже в 60-е гг. XVIII столетия, однако первыми в круг чтения русского читателя входят именно «малые» творения французского просветителя. После более чем двухвекового перерыва некоторые из этих произведений впервые представлены в настоящей антологии.

«Размышления о причинах величия и падения римлян» — новаторский философско-исторический трактат, результат огромной работы над историческими и философскими источниками древности, изданный в 1734 г., занимает важное место в творчестве Монтескье.

Первые попытки перевода трактата на русский язык были предприняты уже в 1750–1760-е гг., однако некоторые из этих переводов до сих пор остаются неопубликованными. В частности самая ранняя из известных на сегодняшний день русская версия трактата, принадлежащая князю М. М. Щербатову, хранится в Эрмитажном собрании рукописей Российской национальной библиотеки.

Впоследствии трактат был издан в России четыре раза. Первое издание вышло в 1769 г. в переводе русского юриста и правоведа

* Laufer, R. Op.cit. — P. 32.

** Ibid. — P. 25.

*** Более подробно об истории переводов см. нашу статью: Алташина, В. Д. Русские переводы «малых» произведений Монтескье (в печати).

Алексея Яковлевича Поленова (1738–1816), который во время обучения за границей увлекся римской историей и древностями, юридическими науками и французским языком*. В 1893 г. в журнале «Пантеон литературы» выходит новый перевод В. И. Безобразова-Монигетти под заглавием «Рассуждения о причинах возвышения и упадка римлян»** с подробными примечаниями по истории и римским древностям. В 1955 г. текст выходит в переводе А. И. Рубина в уже упомянутом сборнике избранных произведений, а в 2002 г. тот же перевод трактата (без указания имени переводчика) был переиздан вместе с романом «Персидские письма»***.

В 1769 г. выходит в свет сборник, включавший новеллу «Лисимах», моралистический диалог «Разговор Силлы с Евкратом» и «Опыт о вкусе в делах естества и искусства»****. Их перевел Семен Сергеевич Башилов (1741–1770), выпускник Московского университета, переводчик Академии наук, по заказу «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг», учрежденного в 1768 г. Екатериной II. Выбор столь разных, но одинаково серьезных текстов («Лисимах» и «Разговор Силлы с Евкратом» посвящены политике, «Опыт о вкусе» — эстетике), может быть, определен как личным вкусом переводчика, так и тем, что издание готовилось при участии Академии наук, в типографии которой переводы были напечатаны. Издания Академической типографии, основанной еще в 1727 г., отличались высоким качеством подготовки, добротностью и основательностью.

«Лисимах» был написан в 1751 г. в качестве вступительной речи для Академии наук, основанной в Нанси Станиславом Лещинским, и опубликован впервые в 1754 г. в «Mercure de France». Есть основания предполагать, что Монтескье, восхваляя Лисима-

* Монтескье, Ш. Л.; Montesquieu, C. L. Размышления о причинах величества римского народа и его упадка / С французского переведенная переводчиком Алексеем Поленовым. — В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, 1769.

** Монтескье, Ш. Л. Рассуждения о причинах возвышения и упадка римлян / С подроб. примеч. по истории и рим. древностям В. И. Безобразова-Монигетти. — СПб.: журн. «Пантеон лит.», 1893. — 205 с.

*** Монтескье, Ш. Л. Персидские письма; Размышления о причинах величия и падения римлян / Вступ. ст. Н. Саркитова; Ин-т социологии РАН и др. — М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. — 511 с.

**** Монтескье, Ш. Л. Лисимах // Из сочинений г. Монтескиэ; перевел С. Башилов. — [СПб.: Тип. Акад. наук, 1769]. 95 с.

ха^{*}, генерала Александра Македонского, воздает дань почтения бывшему польскому королю. В «Лисимахе» повествование ведется от лица главного героя — сподвижника Александра Македонского, ставшего царем после раздела его владений. Советы мудрого Каллисфена делают его рассудительнее и помогают справедливо управлять государством, заботясь о благе своего народа: «Я теперь царствую над народом, которой меня любит. Старейшины в семействе желают мне так, как своим детям, долголетней жизни: дети боятся лишиться меня так, как своего отца. Мои подданные благополучны, следовательно и я»^{**}.

«Разговор Силлы с Евкратом»^{***} был написан в середине 1720-х гг. и предположительно был прочтен в клубе «Антре-соль» в конце 1727 г. или начале 1728 г., но был напечатан лишь в 1745 г. все в том же «*Mercur de France*». Весь диалог вращается вокруг мотивов, которые заставили Суллу сначала узурпировать власть, а затем добровольно отказаться от нее, несмотря на опасность такого решения.

«Опыт о вкусе» был написан в 1757 г. для VII тома «Энциклопедии искусств, наук и ремесел», но превратился в самостоятельное произведение, в котором Монтескье высказывает свои эстетические взгляды, наряду с такими эссе, как «О готической манере» (1734), «Опыт о причинах, которые могут воздействовать на умы и характеры» (1734–1739) и «Мои мысли» — разрозненные размышления, записывавшиеся с 1727 г. до смерти. Увы, эти представляющие большой интерес творения никогда не были переведены на русский язык.

«Опыт о вкусе» был переведен без четырех последних разделов, которые отсутствуют и в переведенном на русский язык в 1803 г.

* Лисимáх (др.-греч. Λυσίμαχος; ок. 361–281 до н. э.) — сподвижник Александра Великого, правитель Фракии с 323 г. до н. э., царь Македонии с 285 г. до н. э.

** Монтескье, Ш. Л. Лисимах. — С. 11.

*** Переводчик так транслитерирует французское написание имени Суллы — Sylla. Луций Корнелий Сулла (138–78 гг. до н. э.) — древнеримский государственный деятель и военачальник, бессрочный диктатор «для написания законов и укрепления республики» (82 – ок. 79 до н. э. (?), консул 88 и 80 годов до н. э., император, организатор кровавых проскрипций и реформатор государственного устройства. Остался в памяти потомков как жестокий тиран, добровольно отказавшийся от неограниченной власти. Евкрат (лат. Eucrâte, V в. до н.э.), современник Клеона, своего противника, один из демагогов, пользовавшихся большим значением в Афинах.

труде шотландского философа А. Джерарда (1728–1795) «О вкусе», где в третьей части был напечатан «Опыт о вкусе в творениях природы и искусства, недовершенный отрывок, найденный между бумагами покойного г. Председателя Монтестье»*. Неполнота текста объясняется просто: именно в таком виде эссе Монтестье было впервые напечатано в 1757 г. в VII томе «Энциклопедии» Дидро и Д’Аламбера. Лишь в 1796–1797 гг. будут опубликованы последние четыре фрагмента. Новый перевод, выполненный А. Воейковой в 1805 г.** , стал первым полным переводом этого текста. «Опыт о вкусе в произведениях природы и искусства» в переводе О. В. Моисеенко вошел в «Избранные произведения» Монтестье (1955)***. Именно этот трактат Монтестье оказался наиболее востребованным в России, однако он, увы, вряд ли известен читателю.

В 1791 г. в «Московском журнале» (часть IV, книжка III, декабрь) за подписью переводчика А.Т. (кто скрывается за этими инициалами, выяснить не удалось) еще раз был напечатан «Лисимах». Этот ежемесячный литературный журнал издавался Н. М. Карамзиным с 1791 по 1792 гг. и печатался в типографии Московского университета. Это был первый русский журнал с постоянными критико-библиографическим и театральнo-критическим отделами, где наряду с русскими сочинениями в стихах и прозе печатались переводы иностранных сочинений. Переиздание журнала в 1801–1803 гг. пользовалось большим успехом.

В 1770 г. в типографии Академии наук был издан «Храм Книдийский»**** в переводе Ивана Ивановича Сичкарева по предложению все того же «Собрания, старающегося о переводе ино-

* Монтестье, Ш. Л. Опыт о вкусе в творениях природы и искусства // О вкусе. Творение г. Жерарда с приобщением разсуждений о том же предмете г. д’Аламберта, Вольтера и Монтескио / Перевод с французскаго. — М.: Тип. Моск. ун-та [Издано иждивением содержателей оной: Люби, Гария и Попова], 1803. — С. 234.

** Монтестье, Ш. Л. Опыт о вкусе в произведениях природы и художеств, или Разсуждение о причинах удовольствий, которые возбуждают в нас произведения разума и изящных художеств / Перевела А. Воейкова. — СПб.: Тип. Шнора, 1805. — 78 с.

*** Монтестье, Ш. Л. Опыт о вкусе в произведениях природы и искусства // Монтестье, Ш. Л. Избранные произведения. — М.: Госполитиздат, 1955. — С. 735–758.

**** Монтестье, Ш. Л. Храм Книдийский / С французскаго переводил И.С[ичкарев]. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1770. — 72 с.

странных книг», что говорит о том значении, которое Академия наук придавала этому галантному тексту, предпочтя его «Персидским письмам».

Это же произведение было переведено еще раз в 1804 г. без указания имени переводчика*. В последнем переводе отсутствует предисловие, эпиграф и завершающая часть, имеющая собственное название «Сефиза и Амур». Перевод был издан в знаменитой бывшей типографии Московского университета, которая в 1801 г. была передана в аренду фактору Ф. Ф. Люби и московским купцам И. В. Попову и Е. М. Гарию, известным тем, что они издавали основанный Н. М. Карамзиным журнал «Вестник Европы».

Тот факт, что русский перевод «Книдского храма» был сделан дважды, да еще и опубликован в солидных типографиях, вероятно, объясняется тем, что, как это ни покажется странным, в XVIII–XIX вв. именно это произведение Монтескье было наиболее часто переиздаваемым и переводимым**. «Книдский храм», поэма в прозе или роман, как определял жанр сам автор, был издан анонимно в марте 1725 г. в Париже. Монтескье долго отказывался от его авторства: «У меня болезнь писать книги и стыдиться их, после того, как я их написал»***, — признавался он. Только в 1743 г. выходит исправленное им самим издание, что свидетельствует о том значении, которое он придавал своему раннему творению. Очень небольшое по объему галантно-мифологическое произведение представлено как перевод с греческого: поэтический текст переведен прозой и поделен на семь песен. Начинается оно с живописного описания острова Книд — любви-

* Монтескье, Ш. Л. Храм Венеры на острове Книде: Поэма в семи песнях / Перевод с французского. — М.: Вольная типография Гария и компании, 1804. — 96 с.

** Вызывает недоумение следующее утверждение автора предисловия Н. Саркитова: «После “Персидских писем” Монтескье уже не обращался серьезно к художественному творчеству. Правда, он написал две галантные поэмы в духе тогдашней классицистической поэзии — “Храм в Книде” и “Путешествие на Пафос”. Этим поэмам сам Монтескье не придавал большого значения» (Саркитов, Н. Д. Шарль Луи Монтескье // Монтескье, Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян / Пер. с фр.; вступ. ст. и коммент. Н. Саркитова. — М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2002. — С. 6.). Во-первых, эти произведения не имеют никакого отношения к классицистической поэзии, во-вторых, Монтескье написал не только их, но и «Подлинную историю» (1723–1725) и «Арсаса и Исмению» (1742).

*** Montesquieu, S. L. Portrait de Montesquieu par lui-même. — P. 199.

мого острова Венеры, где царит чистая добродетельная любовь, которой достойны лишь прекрасные души. Именно здесь главный герой и рассказчик встречается свою прекрасную Темиру и знакомится с Аристеом, ставшим его другом, который повествует ему о своей любви к добродетельной Камилле. Друзья оказываются в темной пещере во власти Ревности и Бешенства, от которых их спасает Вакх. В последней песни они соединяются со своими возлюбленными. После «Книдского храма» следует небольшое продолжение, представленное как произведение того же автора: «Сефиза и Амур», где игривая Сефиза, решив отомстить заснувшему Амуру, обрезает кончики его крыльев. Юпитер переносит Амура на Книд, к его матери Венере, на груди у которой его крылья должны отрасти вновь. В отместку Амур делает Сефизу самой ветреной из всех женщин.

«Книдский храм» в аллегорической форме описывает знаменитые праздники в Белеба и Шантийи, которые вдохновляла фаворитка герцога Бурбонского маркиза де При* и на которых блистала несравненная мадемуазель Клермон**, возлюбленная Монтестье, которой, по словам его друзей, и посвящено данное творение, представляющее собой «роман с ключом». Так, Книд — это Шантийи, его царица, Венера — это мадам де При, юный Аристей — близкий друг Монтестье президент Эно***, академик, основатель клуба «Антресоль», Темира — мадемуазель де Клермон, а ее возлюбленный — сам Монтестье, который в такой элегантной форме признается ей в любви. «В юности я был довольно счастлив, привязываясь к женщинам, которые, как мне кажется, меня любили; как только я перестал в это верить, я от них отстранился»****, — отмечает Монтестье в своем автопортрете,

* *Жанна Аньес Берто де Пленёф* (1698–1727), известная как маркиза де При — фаворитка герцога Луи-Анри де Бурбона, первого министра в начале правления Людовика XV. В течение нескольких лет являлась самой могущественной женщиной при дворе юного короля. В 1719 г. она открыла светский «салон» в шато Белесба, неподалеку от Фонтенбло.

** *Мария Анна де Бурбон* (1697–1741) — французская принцесса, старшая фрейлина королевы Марии Лещинской. Дочь Людовика III Бурбона, принца Конде, и его супруги, Луизы Франсуазы де Бурбон, узаконенной дочери короля Франции Людовика XIV и его знаменитой фаворитки Франсуазы-Атенаис де Монтеспан. При дворе была известна как мадемуазель Клермон.

*** *Шарль-Жан-Франсуа Эно д'Арморезан* (1685–1770) — историк и писатель, академик, основатель «клуба «Антресоль».

**** *Montesquieu, S. L. Potrait de Montesauieu par lui-même.* — P. 189–190.

признаваясь чуть далее, что в 35 лет он еще продолжал любить*. Но главное для него — это дружба: «Я влюблен в дружбу»**. Таким мы видим и героя-повествователя «Книдского храма».

Критикуя нравы современных французов, стремящихся исключительно к получению удовольствий и неспособных к настоящим чувствам, автор прославляет ту чистоту и нежность, которые установлены только на Книде, где возведены алтари Верности и Постоянства.

Такая же идеальная любовь изображена в восточной повести «Арсас и Исмения», над которой Монтескье начал работать по просьбе м-ль де Шароле*** еще в 1740-е гг. Работа была прервана на несколько лет, и только после выхода «Духа законов» писатель вернулся к своему замыслу, но еще в 1754 г. писал аббату Гуаско****, что пока не готов отдать роман издателю: «Триумф супружеской любви на Востоке, наверное, слишком далек от наших нравов, чтобы найти хороший прием во Франции»*****. Роман «Арсас и Исмения» впервые был опубликован без финала сыном писателя в 1783 г. в сборнике «Посмертные сочинения». Полный текст появился лишь в 1955 г. в третьем томе собрания сочинений, изданного А. Массоном.

Интрига романа чрезвычайно закручена: Арсас, блестящий придворный при дворе королевы Исмении в Бактриане, рассказывает премьер-министру историю своей любви к прекрасной Ардазире, полную неожиданных поворотов: бегства, переодевания, измены, ревность и, наконец, смерть возлюбленной. Однако когда слово берет премьер-министр, обнаруживается, что Ардазира вовсе не умерла и что под этим именем скрывается не кто иной, как сама королева Исмения. В итоге влюбленная пара воссоединяется

* Ibid. — P. 194.

** Ibid. — P. 193.

*** Луиза Анна де Бурбон (1695–1758) — французская принцесса, дочь Людовика III Бурбона, принца Конде, и его супруги, Луизы Франсуазы де Бурбон, старшая сестра мл-ль де Клермон.

**** Октавиан де Гуаско, граф де Ксавьер (1712–1781) — итальянский аббат, эрудит, переводчик, член Академии надписей. Долго жил в Париже, где посещал салон г-жи Тансен и подружился с Монтескье; друг А. Д. Кантемира в бытность его послом в Париже.

***** Arsace et Isménie / Sous la direction de Catherine Volpilhac-Augier // Dictionnaire Montesquieu: [en ligne]. — ENS de Lyon, septembre 2013. — URL : <http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/fr/article/1376399109/fr>

и устанавливает в царстве разумно управляемую монархию. Так завершается наиболее часто публикуемый вариант, тогда как в рукописи финал трагичен: оба героя погибают. Сложность структуры связана с тем, что два повествования перекрещиваются, взаимно дополняя и поясняя друг друга. Примечательно и то, что галантная история любви дает Монтескье повод к изложению политических идей: королевство, управляемое Арсасом и Исменией, является собой пример идеального государственного устройства, причем на сей раз автор помещает его в восточной стране. Восток оказывается некой утопией, вымышленным местом, где все возможно — даже фантастические воскрешения и встречи.

На русский язык роман был переведен Н. Страховым в 1787 г.^{*}, т. е. всего четыре года спустя после первой публикации оригинала. Писатель, переводчик, издатель Николай Иванович Страхов (1768–1843?), с 1781 по 1782 гг. учился в Московской университетской гимназии и знал несколько иностранных языков. Страхов одним из первых стал заниматься литературным трудом профессионально.

В отличие от многих других «малых» творений Монтескье, «Арсас и Исмения» переводились в России и в XX столетии. Перевод, выполненный А. Косс (1934–2010), был помещен в сборник «Французская повесть XVIII века», изданный в Москве в 1989 г.

«Персидские письма» в русских переводах

Обращает на себя внимание тот факт, что первые переводы «Персидских писем» появляются в России лишь в самом конце XVIII столетия (в 1789 г. выходит перевод Ф. Т. Поспелова^{**}, в 1792 — Е. В. Рознотовского^{***}), в то время как «Лисимах», «Разговор Силлы с Евкратом» и «Опыт о вкусе» были изданы на русском языке еще в 1769 г., а «Книдский храм» — в 1770 г.

* Монтескье, Ш. Л. Арсас и Исмения: Восточная повесть // Из последних творений г. Монтескью; перевел Николай Страхов. — М.: Тип. Компании типографической, 1787. — 72 с.

** Монтескье, Ш. Л. Персидские письма / Переведены с французского языка Федором Поспеловым. — СПб.: [Тип. Акад. наук], 1789. — 480 с.

*** Монтескье, Ш. Л. Письма персидские / С французского языка перевел кол. сов. Ефим Рознотовский. — СПб.: Изданием И. К. Шнора, 1792. — 563 с.

Если с полным текстом «Персидских писем» русский читатель познакомился довольно поздно, то история о троглодитах неоднократно переводилась и издавалась как самостоятельный текст.

Впервые «История Троглодитов, почерпнутая из “Персидских писем”»^{*} была опубликована в четвертой части журнала «Утренний свет» в ноябре 1778 г. — уже после «Лисимаха» и «Храма Книдийского». Начинаясь со слов «В Аравии был народ, Троглодитами именуемый» (третий абзац XI письма оригинала), она завершается последними словами XIV письма. Для сохранения единства текста все обращения к адресату (первые два абзаца XI письма, первые фразы XII и XIII писем) опущены, этот же принцип будет сохраняться и в последующих переводах.

В 1779 г. появляются сразу два перевода. «Повесть о народе несчастном от злодеяния и счастливом от добродетели» была опубликована в сборнике «Детское чтение, или Отборные небольшие повести, удобные увеселить детей и наставить их любить добродетель»^{**} в переводе К. Бочарникова^{***}. Текст начинается с тех же слов («Был в Аравии небольшой народ, называемый Троглодитами») и завершается концом XIII письма, таким образом, последнее, XIV письмо, переведено не было.

В том же году «Повесть о троглодитах, взятая из писем Персидских» в переводе Е. Харламова была опубликована в первой части сборника «Новая сельская библиотека»^{****}. Евстигней Саввич

^{*} Монтескье, Ш. Л. История Троглодитов, почерпнутая из «Персидских писем» // Утренний свет: ежемесячное издание. — 1778. — Ч. 4: С сентября по январь. — С. 208–221.

^{**} Монтескье, Ш. Л. Повесть о народе несчастном от злодеяния и счастливом от добродетели // Детское чтение, или Отборные небольшие повести, удобные увеселить детей и наставить их любить добродетель. — СПб., 1779. — С. 46–56.

^{***} Капитон Бочарников (Бачарников) перевел рассказы из составленной французским детским писателем А. Беркеном хрестоматии «Lectures pour les enfants, ou Choix de petits contes également propres à les amuser et à leur faire aimer la vertu» (1775 и др.). Эти переводы из произведений Вольтера, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ф. Сен-Ламбера, П.-П.-Ф. Летурнера, С. Геснера, Ф. Т. М. де Бакюляра д’Арно были изданы под названием «Детское чтение, или Отборные небольшие повести, удобные увеселить детей и наставить их любить добродетель» (1779). См. об этом переводе: Васильева, Е. Н. «Персидские письма» детям: к истории переводов Ш.-Л. Монтескье // Studia Litterarum. — Т. 4. No 2. — 2019. — С. 128–143.

^{****} Монтескье, Ш. Л. Повесть о троглодитах, взятая из писем Персидских // Новая сельская библиотека или Отборные повести, важные и любопытные,

Харламов (1734–1786) получил образование в Сухопутном шляхетском корпусе, там же начал службу в чине поручика в качестве преподавателя и директора типографии, которая была учреждена «как для пользы Корпуса, так и для пользы общества»*, где и был напечатан сборник. Автор перевода предназначает свой труд для «пользы и увеселения» сограждан, сельских обитателей, которые «иногда чтением занимаются»**. Этот перевод также представляет собой единый текст, начинающийся непосредственно с истории троглодитов: «В Арабии был небольшой народ», но включающий и последнее XIV письмо. При этом автор не указан — видимо, отсылки к «Персидским письмам» было достаточно.

В 1782 г. в майском выпуске (лист II и III) журнала «Утра, еженедельное издание, или Собрание разного рода новейших сочинений и некоторых переводов в стихах и прозе с приобщением известия о всех выходящих вновь в Санктпетербурге российских книгах»*** был опубликован «Перевод из творений господина Монтескю “Персианских писем”». Переведено лишь «Письмо XI. Узбек к Мирзе в Испагань»****, которое начинается со слов: «Ты спрашиваешь меня, могут ли люди...», резюмируя первые строки XI письма. Переводчик неизвестен — как правило, произведения в журнале «Утра» печатались даже без указания имени автора. Сам журнал издавался П. А. Плавильщиковым*****, и майский выпуск, в котором был помещен данный перевод, был первым. Трудно сказать, какими соображениями руководствовался издатель, выпускник философского факультета, ограничившись

выбранные из наилучших древних и нынешних писателей / Переведенные с французского, в остающееся от трудов по должности время в Нове-Городе Е. Х[арламовым]. — Ч. 1. — 1779. — С. 301–314.

* Шамрай, Д. Д. Цензурный надзор над типографией Сухопутного шляхетского кадетского корпуса // XVIII век. Статьи и материалы: Сборник / Отв. ред. Г. А. Гуковский. — Вып. 2. — М.; Л.: АН СССР, 1940. — С. 294.

** Там же. — б/нум.

*** Монтескье, Ш. Л. Перевод из творений господина Монтескю «Персианских писем. // Утра, еженедельное издание, или Собрание разного рода новейших сочинений и некоторых переводов в стихах и прозе с приобщением известия о всех выходящих вновь в Санктпетербурге российских книгах. — СПб: Тип. Морского Шляхетного кадетского корпуса [П. А. Плавильщиков], 1782 — С. 13–19.

**** Там же. С.13.

***** *Петр Алексеевич Плавильщиков (1760–1812)* — русский писатель, драматург и актер, театральный режиссер.

переводом лишь одного письма, но следует отметить, что это первый перевод, в котором был указан и номер письма, и корреспонденты — Узбек и Мирза, и город Испагань.

Только в 1786 г. в переводе И. Чашникова в «Избранном чтении, или Собрании чувствительных и к внушению добродетели споспешествующих повестей»^{*} будут опубликованы пять писем (X–XIV) с нумерацией, указанием адресатов перед текстом письма, места и даты написания в конце. Текст носил название: «Троглодиты, или Единое токмо исполнение добродетели соделать может народ счастливым» с примечанием: «Переведено из Персидских писем сочинения г. Монтескию»^{**}. Благодаря появлению X письма читатель узнавал причины, по которым Узбек рассказывает своему приятелю данную историю. О переводчике известно очень немного: Иван Александрович Чашников (1772?–1818) — русский писатель, поэт и переводчик, офицер Русской императорской армии. Трудно предположить, чтобы перевод был сделан 14-летним ребенком, посвятившем свой труд Ивану Ивановичу Михельсону — премьер-майору и командиру лейб-гвардии Конного полка, в котором Чашников числился с 1786 г. «Служа под покровительством Вашего Превосходительства, свободные от должности моей часы употребил я на сей мой мало важный труд, и за долг счел посвятить оный имени вашему, ведая довольно оказываемое вами ободрение к упражняющимся в учености»^{***}.

Быть может, этот наиболее точный перевод стал стимулом для появления переводов полного текста романа. Именно на «Персидских письмах» наряду с «Духом законов» зиждется мировая слава их автора: Монтескье признавался, что когда он только был принят в свете, то его представили как умного человека, когда же он написал «Персидские письма», то доказал это и приобрел уважение публики, но потерял его в светских кругах, ибо чужая слава ранит и надо самому заслужить похвалу для того, чтобы спокойно переносить похвалы другого^{****}.

* Монтескье. Троглодиты, или Единое токмо исполнение добродетели соделать может народ счастливым // Избранное чтение, или Собрание чувствительных и к внушению добродетели споспешествующих повестей / Переведено с французского и издано Иваном Чашниковым. — СПб: Тип. Вильковского и Галченкова, 1786. — С. 88–114.

** Там же. — С. 88.

*** Там же. — б/номер.

**** Montesquieu, S. L. Portrait de Montesquieu fait par lui-même. — P. 196–197.

Почему самое известное и самое раннее творение Монтескье было переведено в последнюю очередь? Возможно потому, что уже в «Духе законов» Россия попала в ряд стран с деспотическим типом правления, который в романе изображен с самой непривлекательной стороны. Первый полный перевод был выполнен Федором Тимофеевичем Поспеловым (1759 – после 1824) — писателем, переводчиком и издателем, членом Российской Академии, который прославился в дальнейшем своим переводом Тацита (1805–1807). Поспелов, выпускник Московского университета, был близок к масонским кругам. Перевод был издан в типографии Академии наук и посвящен графу Петру Васильевичу Завадовскому (1739–1812) — «особе, которой дана лестная власть распространить Просвещение в обширнейшей империи для содействия прочным благосостояния людей»*. Завадовский был российским государственным деятелем, фаворитом Екатерины II, позднее он стал первым министром народного просвещения Российской империи (1802–1810), а в 1789 г. был членом Воспитательного Общества благородных девиц, ему также были поручены ревизия присутственных мест, управление учебными заведениями и составление для них уставов, переустройство Пажеского корпуса и других школ. «Это посвящение было не только данью литературно-чиновному этикету (Поспелов служил под «вождемнейшим начальством» Завадовского), но и отражало в какой-то степени надежды переводчика на то, что облеченный властью вельможа будет внимать мудрым наставлениям французского философа»**.

Через три года выходит новый перевод Ефима Васильевича Рознотовского (1737–1792)***, который к тому времени уже заявил себя в качестве переводчика французских энциклопедистов. На титульном листе был помещен гравированный резцом портрет Монтескье, выполненный И.-Х. Набгольцем, благодаря которому русские читатели могли представить себе внешний облик автора. В 1771 г. Тайной канцелярией Е. В. Рознотовский (Разнатовский) и купец С. Б. Струговщиков, по заказу которого им переводились запрещенные книги, были обвинены в религиозном вольно-

* Монтескье, Ш. Л. Персидския письма / Переведены с французскаго языка Федором Поспеловым. — б/номер.

** История русской переводной художественной литературы: В 2 т. — СПб.: Дмитрий Булавин, 1995. — Т. 1. — С. 248.

*** Монтескье, Ш. Л. Письма персидския / С французскаго языка перевел кол. сов. Ефим Рознотовский.

думстве. В числе переведенных книг были антиклерикальные произведения Вольтера, например его «Философский словарь», частично переведенный под названием «Рассуждения по алфавиту». Рознотовскому принадлежит также перевод атеистического сочинения П. Гольбаха «Разоблаченное христианство» («Раскрытая завеса христианства») и другие сочинения подобного рода. Екатерина II лично ознакомилась с материалами следствия и внесла свои поправки в «заключение», по которому Рознотовский подвергался духовному наказанию; под страхом смертной казни ему было запрещено разглашать сведения о предъявленных ему обвинениях. Это дело послужило поводом для одного из первых цензурных законов, не разрешавших ввоз в Россию «всякого звания развращающих закон христианства книг».

Современный читатель знакомится с романом в переводе Евгения Анатольевича Гунста (1901–1993) — российского переводчика и литературоведа, специалиста по французской литературе, опубликованном в 1956 г.

«Дух законов» в России

Так же, как «Энциклопедия» для Дидро, трактат «О духе законов» (1748) стал делом всей жизни Монтескье: «Могу сказать, что я работал над ним всю свою жизнь. <...> Но признаюсь также, что труд сей чуть не убил меня; теперь же собираюсь отдыхать, работать больше не буду»*. «Если мне позволительно предсказать судьбу моего творения, то его будут больше одобрять, нежели читать: подобное чтение может доставить удовольствие, но никогда не станет развлечением»**. Это новаторское смелое произведение сразу же оказалось в центре оживленной полемики и столкнулось со столь сильной оппозицией, что автор был вынужден ответить своим оппонентам: в 1750 г. выходит «Защита «Духа законов», а сам трактат в 1751 г. был внесен в список запрещенных книг папой Римским. Популярность произведения за пределами Франции также была велика.

«Дух законов» вызывает пристальный интерес многих русских переводчиков в течение XVIII столетия, но некоторые переводы никогда не были напечатаны и сохранились только в рукопис-

* Starobinski, J. — Op. cit. — P. 15.

** Montesquieu, S. L. Portrait de Montesquieu par lui-même. — P. 200.

ных вариантах. Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях» упоминает об очень удачном переводе «Духа законов», осуществленном гвардии подпоручиком, поэтом Алексеем Мятлевым (1749–1771). По утверждению Новикова, перевод этот выполнен «с таким успехом», что «делает честь его имени», впрочем, на сегодняшний день мы не располагаем сведениями о его возможном местонахождении.

Самый же первый, по-видимому, из сохранившихся переводов, выполненный М. М. Щербатовым в 1759–1760 гг., представляет собой небольшой фрагмент под заглавием «Нижайшее представление инквизиторам Гишпани и Португалии» (книга XXV, глава 13), однако написан он столь неразборчивым почерком, что расшифровать его целиком нам не удалось. Быть может, эта задумка реализуется в будущем. Любопытно отметить, что эта же глава была переведена и издана отдельно еще раз в 1906 г.*

Большой интерес представляет незаконченный перевод Александра Павлова, квартирмейстера лейб-гвардии Измайловского полка, который хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Хотя перевод Павлова составляют лишь первые 11 книг трактата (всего в трактате их 31), можно утверждать, что он отличается точностью и полнотой.

Большой интерес представляет незаконченный перевод Александра Павлова, квартирмейстера лейб-гвардии Измайловского полка, который хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Хотя перевод Павлова составляют лишь первые 11 книг трактата (всего в трактате их 31), можно утверждать, что он отличается точностью и полнотой.

В 1775 г. из печати выходит первый неполный перевод, сделанный В. Крамаренковым и переизданный в 1801 г.** В 1809–1814 гг. выходит четырехтомник в переводе Д. Языкова***; в 1839 г.

* Монтескье, Ш. Л. Почтительнейшее заявление инквизиторам Испании и Португалии / Пер. с фр. — Варшава: Правда, 1906. — 8 с. [В защиту гонимого народа. № 4].

** Монтескье, Ш. Л. О разуме законов / Переведено с французского Василием Крамаренковым. — СПб.: При Имп. Акад. наук, 1775. — Т. 1. — 424 с.; Монтескье, Ш. Л. О разуме законов / Перевод с французского В. Крамаренкова. — Тиснение второе. — СПб.: При Императорской Академии наук, 1801. — Т. 1. — 352 с.

*** Монтескье, Ш. Л. О существе законов: В 4 т. / Перевел с французского Дмитрий Языков. — М.: Издал Василий Сопиков, 1809–1814.

появляется новый перевод с основательными комментариями Е. Карнеева в трех томах* (переиздан в 1862 г.**); в 1900 г. — перевод А. Горнфельда*** с обстоятельной вступительной статьей М. М. Ковалевского****.

Краткий конспект трактата был опубликован в серии «Общедоступная философия в изложении Аркадия Пресса» (1902)****. Появляются и аналитические труды: в 1782 г. Яков Иванович Шнейдер (1747–1848), правовед, профессор Московского университета, публикует свои «Разсуждения на Монтескиеву книгу “О разуме законов”, или Уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в Императорском Московском университете»*****. В 1870 г. Эдуард Лабулэ (Laboulaye, 1811–1883), выдающийся французский правовед, талантливый публицист и замечательный сатирик, издавший в 1875–1879 гг. семитомное собрание сочинений Монтескье с основательными комментариями, пишет об этом трактате в серии «Сказки, рассказы, очерки и речи»*****.

Увы, в советской России сей труд не оказывается востребованным — лишь в 1955 г. «О духе законов» был издан в сбор-

* Монтескье, Ш. Л. Дух законов: В 3 т. / Пер. Е. Карнеева. — СПб.: Тип. Н. Греча, 1839.

** Монтескье, Ш. Л. Дух законов: В 3 т. / Пер. Е. Карнеева. — 2-е изд. — СПб.: Тип. Штаба Отдельн. корп. внутр. стражи, 1862.

*** Монтескье, Ш. Л. О духе законов, или Об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д.: К чему авт. прибавил новые исслед. о законах рим., касающихся наследования, о законах фр. и о законах феодал / Пер. с фр. под ред. А. Г. Горнфельда, со вступ. ст. М. М. Ковалевского. — СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1900. — 706 с.

**** Более подробно см. нашу статью: Алташина, В. Д. Паратекст русских переводов трактата Монтескье «О духе законов» // Вестник РХГА. — 2020. — № 21. — С. 294–307.

***** Монтескье, Ш. Л. О духе законов. — СПб.: Паровая типо-лит. М.М. Розеноер, 1901. — 36 с. [Общедоступная философия в изложении Аркадия Пресса. Вып. 4].

***** Шнейдер, Я. И. Разсуждения на Монтескиеву книгу «О разуме законов»; или Уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в Имп. Московском университете. — М.: Иждивением Н. Новикова и Компании Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. — 97 с.

***** Лабулэ, Э. О «Духе законов» Монтескье // Сказки, рассказы, очерки и речи: Сб. избр. произведений / [Соч.] Эдуарда Лабулэ. — Т. 3. — СПб: Издание Н. И. Ламанского, 1870. — С. 95–116.

нике избранных произведений Монтескье*. В примечаниях указывается, что в основу издания «был положен перевод А. Г. Горнфельда — М. М. Ковалевского 1900 г., просмотренный и исправленный А. И. Рубиным по французским изданиям сочинений Монтескье»**. Проведя частичную сверку двух переводов, можно утверждать, что исправления в основном представлены синонимическими заменами, однако нельзя не отдать должное А. И. Рубину, который отказывается от порой слишком буквалистского перевода Горнфельда, находя более ясные и понятные читателю формулировки.

В конце XX — начале XXI вв. «Дух законов» издают дважды: в 1999 г.*** и в 2013 г.**** Если последнее издание является репринтом 1900 г., то издание 1999 г. воспроизводит перевод 1955 г., восстанавливая авторские примечания Монтескье в переводе А. В. Матешука. В «Послесловии» составители проясняют свою позицию: «наша задача состояла в том, чтобы полностью восстановить авторские примечания, исключив из них комментарии издателей»****. Поскольку авторские примечания неотъемлемы от текста, лишь трижды — в 1900 (репринт 2013) и в 1999 гг. — текст трактата был издан в России полностью. «Защита «Духа законов» никогда не была переведена на русский язык, в то время как это было бы несомненно полезно для более глубокого понимания идей Монтескье.

Природная любознательность и толерантность — основа космополитизма Монтескье, который он неоднократно отмечает в своем портрете и «Мыслях»: «Когда я путешествовал по

* Монтескье, Ш. Л., де. О духе законов // Монтескье, Ш. Л., де. Избранные произведения / Общая ред. и вступ. статья проф. М. П. Баскина; примеч. Р. С. Миндлинной. [Акад. наук СССР. Ин-т философии]. — М.: Госполитиздат, 1955. — С. 159–733.

** Мидлина, Р. С. Примечания // Монтескье, Ш. Л., де. О духе законов // Монтескье Ш.Л. де. Избранные произведения. — С. 762.

*** Монтескье, Ш. Л. О духе законов / Сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук [Федер. программа книгоизд. России]. — М.: Мысль, 1999. — 672 с.

**** Монтескье, Ш. Л. О духе законов. — М.: Книга по требованию, 2013. — 706 с. [Репр. изд. Серия «Книжный ренессанс»].

***** Матешук, А. В. Послесловие // Монтескье, Ш. Л. О духе законов. — М.: Мысль, 1999. — С. 654.

чужим странам, то привязывался к ним как к своей родной, я был заинтересован в их благополучии и хотел бы, чтобы они процветали». «Я хороший гражданин, но в какой бы стране я ни родился, я был бы таким же»*. «Если бы я знал какую-то вещь, полезную для меня, но вредную для моей семьи, я бы выбросил ее из головы. Если бы я знал какую-то вещь, полезную для моей семьи, но вредную для моей родины, я постарался бы забыть о ней. Если бы я знал какую-то вещь, полезную моей родине, но вредную для Европы и для человеческого рода, я бы счел ее преступной»**. Гражданина мира Монтескье в равной степени интересовала как его родина, так и другие страны, в путешествиях по которым он провел более трех лет, посетив Австрию, Германию, Италию, Швейцарию, Англию... Хотя в этом списке любознательного и внимательного путешественника нет России, интерес к этой стране, нашедший отражение на страницах его произведений, был живым и стойким. Равно как и интерес к Монтескье в России, нашедший отражение на страницах данной антологии.

***Структура антологии «Монтескье: Pro et Contra.
Личность и творчество Монтескье в России:
переводы, исследования, рецепция»***

В первом разделе антологии представлены аналитические статьи российских исследователей, посвященные жизни и творчеству Монтескье, с подробной биографией которого читатель может познакомиться в статье А. А. Никонова «Монтескье. Его жизнь и учено-литературная деятельность», изданной в 1893 г. в серии «Биографическая библиотека Ф. Павленкова».

Раздел представляет разные грани таланта великого просветителя — философа, политолога, социолога, писателя. Статья Т. Б. Длугач посвящена философско-политическим взглядам Монтескье, которые автор подробно рассматривает на примере двух его главных трудов — романа «Персидские письма» и трактата «Дух законов». В центре внимания Х. Н. Момджяна, В. Н. Кузнецова и М. П. Баскина оказываются философские взгляды Монтескье; Ю. Н. Троицкий обращается к вопросам эстетики; В. П. Волгин

* Montesquieu, S. L. Portrait de Montesquieu par lui-même. — P.191, 200.

** Ibid. — P. 201.

и Т. Н. Рахманина — к политической теории. Художественному творчеству посвящены статьи Н. А. Сигал, которая рассматривает роман «Персидские письма» в контексте философии Просвещения, и М. В. Разумовской, где Монтескье помещен в широкий литературно-научный контекст эпохи.

Следующий раздел знакомит с неизвестным Монтескье: в нем представлены неопубликованные, наиболее ранние, редкие переводы его малоизвестных творений. Раздел логично открывается статьей Н. Ю. Плавинской, посвященной обзору переводов Монтескье в XVIII–XIX вв.

Далее читатель может познакомиться с «Лисимахом» и «Разговором Силлы с Евкратом», впервые опубликованными в 1769 г.; с «Храмом Книдийским», впервые вышедшем в Санкт-Петербурге в 1770 г.; с восточной повестью «Арсас и Исмения» опубликованной в Москве в 1787 г. В антологию помещена также история о Троглодитах — один из первых фрагментарных переводов «Персидских писем», выполненный К. Бачарниковым и опубликованный в «Детском чтении» в 1779 г. в Санкт-Петербурге.

Особую ценность для изучения наследия Монтескье представляют рукописные переводы «Духа законов». В антологии впервые публикуется фрагмент наиболее полного из сохранившихся рукописных переводов трактата, выполненного Александром Павловым. Несомненный интерес представляют и «Рассуждения на Монтескиеву книгу о разуме законов, или Уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в Императорском Московском университете» профессора Я. И. Шнейдера, изданные в 1782 г. Все эти редкие тексты печатаются с сохранением аутентичной орфографии, грамматики и пунктуации, что оказалось возможным только благодаря помощи магистров филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Д. Захаровой, О. Михайловой, Д. Стогния, К. Яковлевой, которым мы выражаем нашу признательность.

Следующий раздел, посвященный рецепции художественного наследия и философско-политической мысли Монтескье, отражает парадоксы восприятия французского просветителя в России XVIII–XIX вв., где сочетаются элементы апологии и острой полемики. Он открывается письмом митрополита Платона о первом переводе «Размышлений о причинах величества римского народа и его упадка», выполненном в 1769 г. А. Я. Поленовым.

Первая обстоятельная критика «Духа законов» в России принадлежит Ф. Г. Штрубе де Пирмону, автору «Российских писем», в которых содержатся как общие рассуждения о деспотизме, так и критический анализ конкретных высказываний Монтескье о России. Цель Штрубе — доказать, в противовес предложенной Монтескье классификации форм политического правления, что «Российское правление — не есть деспотическое». Это сочинение, опубликованное анонимно в 1760 г., было переведено на русский язык уже в 1761 г., однако перевод, автор которого до сих пор остается неизвестным, был впервые опубликован лишь в 2016 г. в книге «Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века» в сопровождении основательного комментария К. Д. Бугрова и М. А. Киселева, публикуемого в нашей антологии вместе с двумя «Российскими письмами». В XIX в. «Российские письма» вновь привлекли к себе внимание — на сей раз известного филолога, директора Министерства народного просвещения И. И. Мартынова, опубликовавшего в 1829 г. в журнале «Сын отечества» «Защитение Российского правления», которое представляет собой перевод критической части сочинения Штрубе, сопровождаемый обширнейшими комментариями переводчика.

Статьи А. А. Златопольской, Ф. А. Коган-Бернштейн, Е. Н. Васильевой, А. В. Семеновой знакомят с восприятием философских идей Монтескье в России XVIII – начала XIX вв., в частности декабристами и Л. Н. Толстым. В этой связи интерес представляет и публикация краткого конспекта «Духа законов», сделанного декабристом, писателем, другом Пушкина В. Ф. Раевским, увлекавшимся философскими идеями просветителей.

Следующий небольшой, но исключительно важный и любопытный раздел о русских связях посвящен отношениям Монтескье и Антиоха Кантемира.

Особое место в истории русско-французских литературных контактов занимают взаимоотношения императрицы Екатерины II с французскими просветителями. Хорошо известно, что Екатерина II при составлении своего «Наказа» опиралась главным образом на идеи Монтескье, позаимствовав из «Духа законов» около 300 статей. В своем письме к д'Аламберу, которое открывает новый раздел «Монтескье и Екатерина II», она открыто признается в том, что на пользу своей империи «обобрала президента Монтескье, не называя его». Императрица уверена, что автор простил

бы ее, если бы узнал, что эта литературная кража пойдет во благо двадцати миллионам людей. «Он слишком любил человечество, чтобы обидеться тем; его книга служит для меня молитвенником».

Отношениям Екатерины и Монтескье посвящены статьи А. Н. Пыпина и В. Е. Вальденберга. Публикуемые далее «Замечания на Большой Наказ Екатерины» князя М. М. Щербатова представляют собой наиболее раннюю попытку сличения «Наказа» и «Духа законов», дополненную собственными размышлениями автора. Выписки из дневника Л. Н. Толстого, который спустя почти 75 лет проделывает подобную работу, служат завершающим аккордом данного раздела и перебрасывают мостик к следующему, где помещены избранные мысли Монтескье в переводе и с предисловием Л. Н. Толстого.

Этот раздел — «Монтескье в русской литературе» — не только обращается к проблеме рецепции Монтескье Пушкиным (статьи Д. И. Белкина и М. С. Неклюдовой), но и представляет французского просветителя в качестве персонажа «Вечера у Кантамира» К. Н. Батюшкова.

Наконец, завершающий антологию раздел обращается к восприятию России в творчестве Монтескье, чему посвящены две глубокие статьи Ф. В. Тарановского и М. П. Баскина.

Русская литература, в отличие от других литератур, не знает удачных подражаний «Персидским письмам», зато политические идеи Монтескье с одинаковым энтузиазмом принимают и монарх, и революционный писатель. Многочисленные неопубликованные любительские переводы Монтескье не всегда имеют высокую художественную ценность, но отличаются точностью и соответствием оригиналу, тогда как переводы, выполненные профессиональными переводчиками и предназначенные для печати и распространения, красноречиво свидетельствуют о цензурном вмешательстве в авторский текст, в особенности в тех эпизодах, которые имеют отношение к России. Сам образ России, созданный Монтескье на страницах его главных произведений, становится объектом литературной полемики, вызывая одновременно и одобрительные, и критические отклики. Всё это — различные грани противоречивой, местами парадоксальной рецепции художественного и философского наследия французского писателя, свидетельство стабильного внимания и признания авторитетности мнения, с которым нельзя не считаться. Неоднозначная рецепция — это еще и свидетельство исторической чуткости Монтескье,

который с точностью обозначил проблемы, оказавшиеся наиболее острыми для российской социально-политической действительности XVIII и XIX вв. и сохраняющими свою актуальность и по сей день. Но не стремление порицать установления какой бы то ни было страны двигало Монтескье, но лишь стремление отыскать объяснение существующих порядков. «Если бы я мог сделать так, — писал он в «Предисловии» к «Духу законов», — чтобы люди приобрели новые основания полюбить свои обязанности, своего государя, свое отечество и свои законы, чтобы они почувствовали себя более счастливыми во всякой стране, при всяком правительстве и на всяком занимаемом ими посту, — я счел бы себя счастливейшим из смертных».

